

Б. РАССЕЛ

Практика и теория большевизма

<Фрагменты>

ПРЕДИСЛОВИЕ

Российская революция — одно из величайших героических событий в мировой истории. Ее сравнивают с Французской революцией, но в действительности ее значение еще более велико. Она сильнее изменяет повседневную жизнь и структуру общества: она вносит также большие перемены в представления и убеждения людей. Разница между этими двумя революциями иллюстрируется отличием Маркса от Руссо: последний — сентиментальный и кроткий, взывающий к чувствам, сглаживающий острые углы; первый — по-гегелевски систематичен, исполнен весомого интеллектуализма, апеллирует к исторической необходимости и техническому развитию промышленности, человеческое существо склонен рассматривать как марионетку, подвластную всемогущим материальным силам. В большевизме сочетаются черты Французской революции и черты ислама времен его расцвета; результатом явилось нечто радикально новое, что можно постичь лишь с помощью упорной и страстной силы воображения.

Прежде чем перейти к анализу частных случаев, я хочу сформулировать, насколько смогу, ясно и недвусмысленно, свое отношение к этому новому явлению.

Несомненно, что самое важное в российской революции — это попытка осуществить коммунизм. Я верю, что коммунизм необходим миру, верю также, что героизм России воспламенил человеческие надежды, а это очень важно

для достижения коммунизма в будущем. Большевизм, если даже рассматривать его лишь как дерзновенную попытку, без которой конечный успех был бы просто невозможен, все равно заслуживает благодарности и восхищения всей прогрессивной части человечества.

Но метод, при помощи которого Москва намерена установить коммунизм, — метод первопроходцев — суров и опасен, он настолько героичен, что об издержках его не задумываются. Я не верю, что таким методом можно достичь устойчивой и приемлемой формы коммунизма. Мне кажутся возможными три исхода из нынешней ситуации. Первый — конечное поражение большевизма от сил капитализма. Второй — победа большевиков, сопровождаемая полной утратой их идеалов и установлением империалистического режима наподобие наполеоновского. Третий — затяжная мировая война, ведущая к гибели цивилизации и забвению всех ее достижений, включая идею коммунизма.

Поскольку я не верю, что методы Третьего Интернационала могут привести к желаемой цели, мне хотелось бы обратить внимание на те черты современного состояния России, которые кажутся мне нежелательными. Я думаю, что из них стоит извлечь уроки, которые могут оказаться полезными, если мир когда-нибудь придет к состоянию, желанному для западных приверженцев большевизма. Вряд ли эти уроки можно усвоить без глубокого уяснения и откровенного обсуждения всех неудач, которые постигли Россию. Полагаю, что эти неудачи менее всего выводимы из просчетов в деталях, скорее всего, они следствие нетерпеливой философии, стремления создать новый мир без достаточной подготовки его во взглядах и чувствах простых людей.

Но, хотя я не считаю, что коммунизм можно осуществить уже теперь, распространив большевизм, я все же верю, что большевизм, даже если он и падет, войдет в историю как легенда, будет восприниматься как героическая попытка, без которой не пришел бы будущий успех. Фундаментальная экономическая реконструкция, чреватая весьма глубокими изменениями в образе мыслей и чувств, в философии и ис-

кусстве, личных отношениях, представляется абсолютно необходимой для того, чтобы материальное производство стало слугой человека, а не его господином. Здесь я на стороне большевиков: политически я критикую их лишь тогда, когда их методы кажутся отступлением от их собственных идеалов.

Есть, однако, другой аспект большевизма, от которого я определенно хочу отмежеваться. Большевизм не просто политическая доктрина, он еще и религия с своими догматами и священными писаниями. Когда Ленин хочет доказать какое-нибудь положение, он по мере возможности цитирует Маркса и Энгельса. Подлинный коммунист не просто человек, убежденный, что землей и капиталом необходимо владеть сообща, а их продукцию распределять, насколько возможно, поровну. Это человек, который разделяет целую систему определенных догматических верований, вроде философского материализма, которые, может быть, и истинны, но не носят научного характера (нет таких способов, которые позволили бы установить их истинность с определенностью). Эта привычка абсолютной уверенности по поводу объективно сомнительных вещей — одна из тех, от которых мир постепенно избавляется со времени Возрождения — избавляется в пользу конструктивного и плодотворного скептицизма, характеризующего научное мировоззрение. Я полагаю, что научное мировоззрение неизмеримо более важно для человеческого рода. Если более справедливая экономическая система была бы достижима только ценой отказа человеческого разума от свободного исследования и отступления назад, в интеллектуальную темницу средневековья, то я считал бы эту цену слишком высокой. Нельзя отрицать, что в течение кратких периодов времени догматическая вера помогает в борьбе. Если все коммунисты станут религиозными фанатиками, в то время как сторонники капитализма сохранят скептическое умонастроение, можно предполагать, что победят коммунисты; в противоположном случае победят капиталисты. Из отношения капиталистического мира к Советской России, Антанты

к Центральным империям, Англии к Ирландии и Индии очевидно, что нет такой степени жестокости, вероломства и зверства, до которой ни дошли бы сегодняшние власть имущие, почувствовав угрозу себе. Если для того, чтобы избавиться от них, нет другого средства, кроме религиозного фанатизма, то это они первый источник проистекающего отсюда зла. И позволительно надеяться, что, когда они будут лишены власти, этот фанатизм постепенно исчезнет, как исчезали другие виды фанатизма в прошлом.

Нынешние власть имущие — воплощение зла, и существующий порядок вещей обречен. Совершить переход от него к новому общественному строю с минимальным кровопролитием, при максимальном сохранении того, что ценно в нашей цивилизации, — трудная проблема. Именно эта проблема главным образом занимала меня, пока я писал нижеследующие страницы. Хотелось бы надеяться, что ее решение будет облегчено хотя бы некоторой умеренностью и человечностью со стороны тех, кто несправедливо пользуется привилегиями в сегодняшнем мире. Настоящая работа — результат визита в Россию, дополненного знакомством с литературой и дискуссиями как до, так и после него. Я счел, что лучше изложить личные наблюдения отдельно от теоретических соображений, и пытался сформулировать мои впечатления без предвзятости — за или против — по отношению к большевикам. Я встретил с их стороны доброжелательный и любезный прием и испытываю чувство благодарности за полную свободу, которую они предоставили мне в моих исследованиях. Я сознаю, что был слишком короткое время в России, чтобы вынести подлинно достоверные суждения о ней, однако я разделяю этот недостаток с большинством других западных исследователей, пишущих о России после Октябрьской революции. Я считаю большевизм явлением такой важности, что необходимо определить свое отношение к нему почти по каждому политическому вопросу; я надеюсь также, что смогу помочь другим определить их позицию, даже если это выразится только в неприятии того, что я написал.

Неоценимую помощь мне оказала мой секретарь, мисс Д. У. Блэк, которая побывала в России вскоре после моего отъезда. Глава «Искусство и образование» целиком написана ею. Ни один из нас не несет ответственности за взгляды другого.

Бертран Рассел

Сентябрь, 1920

<...>

II

Общие характеристики

Я прибыл в Советскую Россию 11 мая и завершил свой визит 16 июня. Российские власти допустили меня с единственным условием — я должен был следовать вместе с британской делегацией лейбористов, — условие, с которым я, конечно же, весьма охотно согласился, не возражала и делегация. Мы следовали от границы до Петрограда — а также и в дальнейшем — в специальном первоклассном поезде, украшенном революционными лозунгами и воззваниями к пролетариату всех стран; нас везде встречали солдаты, при этом военные оркестры исполняли Интернационал; гражданские люди при звуках его обнажали головы, а военные отдавали честь; местные лидеры приветствовали нас речами, на которые отвечали известные коммунисты, сопровождавшие нас; входы в вагон охранялись великолепными кавалеристами-башкирами в блистательной униформе — словом, все делалось для того, чтобы мы чувствовали себя как принц Уэльский¹. Для нас устраивались многочисленные мероприятия: банкеты, митинги, военные парады и т. д.

Предполагалось, что сам наш приезд — свидетельство солидарности британских лейбористов с российским коммунизмом, и на этом основании нас использовали, как только могли, для целей большевистской пропаганды. Мы со своей стороны стремились узнать как можно больше о российских условиях и российских методах руководства, хотя это было

весьма затруднительно в атмосфере королевского шествия. Такое ведущееся в дружелюбной форме состязание переходило временами в игру в прятки: нас уверяли, что предстоящие банкет или парад замечательны, мы же стремились объяснить, насколько охотнее мы предпочли бы спокойную прогулку по улицам. Я не был членом делегации и считал себя по сравнению с моими спутниками в меньшей степени обязанным участвовать в пропагандистских митингах, где заранее можно предугадать характер речей. Поэтому я смог при помощи нейтральных переводчиков, в основном англичан и американцев, поговорить со случайными людьми, которые встречались мне на городских улицах или сельских полях, и выяснить, какой представляется система в целом рядовым, далеким от политики людям. Первые пять дней мы провели в Петрограде, следующие одиннадцать — в Москве. В этот период мы ежедневно встречались с ответственными лицами из правительства, так что без труда усвоили официальную точку зрения. Я по возможности встречался также с интеллигенцией в обоих городах. Нам была предоставлена полная свобода общения с политиками оппозиционных партий, и мы, естественно, не преминули ею воспользоваться. Мы видели меньшевиков, социалистов-революционеров различных группировок, анархистов; встречи происходили без присутствия большевиков, и с нами свободно разговаривали, избавившись от первоначальных опасений. Я имел часовую беседу с Лениным — фактически tête-à-tête, встречался с Троцким², правда, не один; я провел вечер в деревне с Каменевым; я также видел значительное число других людей, которые обладают весом в правительстве, хотя и менее известны за пределами России.

К концу пребывания в Москве нам захотелось увидеть хоть что-то в деревне, повстречаться с крестьянами — ведь они составляют около 85 процентов всего населения. Правительство с большой любезностью пошло навстречу нашим пожеланиям, и мы смогли осуществить путешествие вниз по Волге — от Нижнего Новгорода до Саратова, останавливаясь во многих селениях, больших и малых, свободно

беседа с их обитателями. Я считаю эту часть путешествия исключительно полезной. Я узнал больше, чем можно было предположить о жизни и взглядах крестьян, деревенских учителей, мелких еврейских торговцев — словом, самых разных людей. К несчастью, заболел мой друг Клиффорд Аллен, и я уделял много времени ему. Это имело, однако, один позитивный момент, а именно мне пришлось сопровождать его на судне до Астрахани, так как он был болен и не мог передвигаться по-другому. Это не только позволило мне лучше узнать страну, но и свело со Свердловым³, исполняющим обязанности министра транспорта, который направлялся организовать доставку нефти от Баку к Волге. Это был один из самых способных, а также самых добрых людей, встреченных мной в России.

Первое, что я обнаружил после пересечения отмеченной красным флагом границы Советской России — среди безлюдных топей, чахлых лесов, проволочных заграждений, — было ощущение глубокого расхождения между теориями подлинных большевиков и версиями этих теорий, распространенными среди передовых социалистов в Англии. В Англии друзья России думают, что диктатура пролетариата — это просто новая форма представительного управления, где только трудящиеся имеют право голоса; при этом избирательные округа строятся отчасти по производственному, а не по географическому признаку. Они считают, что «пролетариат» — это «пролетариат», но «диктатура» не в полной мере означает «диктатуру». Однако дело обстоит как раз наоборот. Когда русский коммунист говорит о «диктатуре», он понимает это слов буквально, но когда он говорит о «пролетариате», то использует это слово в некоем пиквикском смысле⁴. Он имеет при этом в виду «классово сознательную» часть пролетариата, т.е. коммунистическую партию**. Он включает

---

* См. статью «О роли коммунистической партии в пролетарской революции» в «Тезисах ко II конгрессу Коммунистического Интернационала. Петроград — Москва. 18 июля 1920», ценной работе, которая есть у меня только на французском языке.

в пролетариат людей, которые никоим образом не являются пролетариями (таких как Ленин, Чичерин⁵), но имеют «правильные» взгляды, и он исключает тех наемных работников, которые таких взглядов не имеют; последних он называет лакеями буржуазии. Коммунист, искренне разделяющий взгляды партии, убежден, что корень всех зол — частная собственность; он настолько убежден в этом, что не останавливается ни перед какими, даже самыми жесткими мерами, если они кажутся необходимыми для построения и сохранения коммунистического государства. Он щадит себя столь же мало, сколь и других. Он работает по 16 часов в день и отказывается от сокращения рабочего дня в субботу. Он добровольно берется за тяжелую и опасную работу, которую надо сделать, такую, как уборка заразных трупов, оставленных Колчаком или Деникиным⁶. Обладая властью и контролируя снабжение, он живет как аскет. Не преследуя личных целей, он устремлен к созиданию нового социального порядка. Но те же мотивы, которые побуждают его к аскетизму, делают его и безжалостным. Маркс учил, что коммунизм придет с фатальной неизбежностью; это совпало с восточными чертами русского характера и привело к умонастроению, весьма похожему на убежденность ранних последователей Магомета⁷. Соппротивление подавляется беспощадно, не останавливаются и перед методами царской полиции, многие чины против этой собственности, автоматически исчезнут, как только она будет сметена.

Такого рода взгляды — обычное следствие фанатической веры. В английском уме они укрепляют убеждение, на котором строится жизнь страны с 1688 г.: что доброта и терпимость стоят всех вероучений в мире; правда, это убеждение не применяется к другим странам или подвластным нам народам.

Для нового общества естественно искать исторические параллели. Худшие стороны современного российского правительства наиболее близки французской Директории⁸, лучшие имеют тесные аналогии с правлением Кромвеля⁹. Искренние коммунисты (а у старых членов партии искрен-

ность подтверждена годами преследований) весьма недалеки от пуританских воинов по своей суровой морали и политической решительности. И обращение Кромвеля с парламентом не так уж непохоже на обращение Ленина с Учредительным собранием. Оба, соединив вначале демократию с религиозной убежденностью, принесли первую в жертву вере, усиливая военную диктатуру. Оба стремились принудить свои страны к жизни на более высоком уровне нравственности и стойкости, чем их население могло выдержать. Жизнь в современной России, как и в пуританской Англии, во многих проявлениях противна человеческой природе. Если большевики все-таки потерпят поражение, причина этого будет та же, что и у пуритан: начиная с какого-то момента люди не выдержат суровой жизни, они возжаждут наслаждений и покоя больше всех других благ, вместе взятых.

Наиболее близкой исторической параллелью большевизма является «Государство» Платона¹⁰. Коммунистическая партия соответствует здесь стражам; военные обладают похожим статусом; в России в большей или меньшей мере в соответствии с учением Платона наблюдается стремление регулировать и семейную жизнь. Думаю, есть основания предполагать, что любой из приверженцев Платона во всем мире ненавидит большевизм, равно как и каждый большевик считает Платона античным буржуем. И тем не менее аналогия между «Государством» Платона и режимом, который стремятся осуществить лучшие из большевиков, в высшей степени уместна.

Большевизм внутренне аристократичен, а внешне воинственен. Коммунисты во многом похожи на воспитанников британской системы привилегированных государственных школ: у тех и других налицо хорошие и плохие черты молодой и жизнестойкой аристократии. Они мужественны, энергичны, способны властвовать, всегда готовы служить государству; с другой стороны, они склонны к диктаторству и им недостает обычной снисходительности к плебсу. Практически они одни обладают властью, вследствие чего могут иметь бесчисленные преимущества. Большинство

из них — далеко не впадая в роскошь — питаются все же лучше, чем весь народ. Только люди с определенным политическим весом могут иметь телефон или автомобиль. Возможностей поехать куда-либо поездом, сделать покупки в советских магазинах (где цена примерно в пятьдесят раз ниже, чем на рынке), пойти в театр и так далее, конечно же, больше у тех, кто близок к власти, чем у простых смертных. И тысячами способов коммунисты могут достичь более благополучной, чем у остальных, жизни. К тому же они меньше обременены навязчивым вниманием со стороны полиции и Чрезвычайной Комиссии.

Коммунистические представления о международных делах чрезвычайно просты. Предсказанной Марксом революции, которая покончит с капитализмом во всем мире, суждено начаться в России, хотя в соответствии с марксистской теорией ей следовало бы начаться в Америке. В странах, где революция еще не вспыхнула, единственная обязанность коммуниста — ускорить ее приход. Соглашения с капиталистическими государствами могут быть лишь паллиативами и никогда не склонят обе стороны к честному миру. Ничего хорошего нельзя добиться ни в одной стране без кровавой революции: английские лейбористы могут мечтать о возможности мирной эволюции, но они обнаружат, что ошибаются. Ленин говорил мне о надежде увидеть лейбористское правительство Англии; он желал бы, чтобы его приверженцы добивались этого, но единственно с целью окончательно продемонстрировать британским рабочим тщетность парламентаризма. Нельзя достичь никакого действительного успеха иначе как вооружением пролетариата и разоружением *буржуазии**. Люди, проповедующие иной путь, суть либо социал-предатели, либо обманутые глупцы.

Что касается меня, то тщательно взвесив эту теорию и признав полностью ее обвинения в адрес буржуазного общества, я тем не менее считаю необходимым определенно и решительно выступить против нее. III Интернационал — организация,

---

* Курсив автора. — *Примеч. ред.*

созданная для активизации классовой борьбы и ускорения наступления революции во всех странах¹¹. Я утверждаю не то, что капитализм менее плох, чем думают большевики, а то, что социализм недостаточно хорош — не в лучших его образцах, а именно в той форме, которая, похоже, может осуществляться лишь через войну. Зло войны, особенно гражданской, очевидно и очень велико; результат, который приносит победа, весьма сомнителен. В ходе беспощадной борьбы может оказаться утраченным наследие цивилизации, а вот ненависть, подозрительность и жестокость сделаются нормой в отношениях между людьми. Чтобы победить в войне, необходима концентрация власти, а из концентрации власти вытекают те же самые бедствия, что и из капиталистической концентрации богатства. Именно вследствие этих причин я не могу поддерживать любое движение, целью которого является мировая революция. Ущерб, нанесенный цивилизации революцией в одной стране, можно возместить при помощи других стран, в которых революции не было, но от последствий мирового катаклизма цивилизация не оправится в течение тысячи лет. Однако, хотя я не могу защищать мировую революцию, мне трудно удержаться от заключения, что правительства ведущих капиталистических стран делают все возможное для ее осуществления. Злоупотребления силой в отношении Германии, России, Индии (не говоря уже о других странах) смогут приблизить наше падение и причинить гораздо большее зло, чем то, которого так страшатся враги большевизма.

Подлинные коммунисты являются абсолютными интернационалистами. К примеру, Ленин — насколько я могу судить — озабочен интересами России не больше чем интересами других стран; Россия в данный момент главный носитель социальной революции и этим представляет наибольшую ценность для мира, но Ленин мог бы пожертвовать скорее Россией, чем революцией, если бы перед ним возникла подобная альтернатива. Это ортодоксальная позиция, и многие из лидеров занимают ее несомненно искренне. Но и национализм естествен и жизнеспособен; на почве гордости

за революцию он растет даже в сердцах коммунистов. В ходе польской войны большевики ощутили подъем национальных чувств, и их позиции в стране неизмеримо усилились.

Троцкого я видел единственный раз — в Московском оперном театре. Делегация британских лейбористов расположилась в бывшей царской ложе. После разговора с нами в вестибюле он, скрестив руки, встал у барьера ложи, вызывая одобрителный гул зала. Затем он произнес несколько фраз, коротких и резких, по-военному четких, завершив их призывом к «троекратному ура в честь наших храбрых товарищей на фронте», на что аудитория отреагировала так же, как реагировала она в Лондоне осенью 1914 г. Троцкий и Красная Армия безусловно чувствуют сегодня за собой мощную поддержку националистических умонастроений. Завоевание азиатской части России возродило даже нечто вроде того, что по сути является имперским образом мышления, хотя это с негодованием отвергалось многими из тех, у кого, думается, можно было бы таковой обнаружить. Опыт пребывания у власти неизбежно меняет коммунистические теории, и люди, контролирующие мощную государственную машину, вряд ли будут иметь те же взгляды на жизнь, что они имели, когда были в положении преследуемых. И если большевики останутся у власти, есть все основания опасаться, что, их коммунизм поизносится, они же во все большей степени будут напоминать любое другое азиатское правление, например, наше собственное правление в Индии.

III

Ленин, Троцкий и Горький

Вскоре после моего прибытия в Москву я имел часовую беседу с Лениным на английском языке, которым он прекрасно владеет. Присутствовал переводчик, но его услуги практически не потребовались. Обстановка кабинета Ленина очень проста: в нем большой рабочий стол, несколько карт на стенах, два книжных шкафа и одно удобное кресло для посетителей в дополнение к двум или трем жестким стульям.

Очевидно, что он не испытывает любви к роскоши и даже к комфорту. Он очень доброжелателен и держится с видимой простотой, без малейшего намека на высокомерие. При встрече с ним, не зная кто он, трудно догадаться, что он наделен огромной властью или вообще в каком-нибудь смысле является знаменитым. Мне никогда не приходилось встречать выдающейся личности, столь лишенной чувства собственной значимости. Он пристально смотрит на своих посетителей, прищулив один глаз, что, кажется, усиливает пронизательную силу другого глаза. Он много смеется; поначалу его смех кажется дружелюбным и веселым, но постепенно мне стало как-то не по себе. Ленин спокоен и властен, он чужд всякого страха и совершенно лишен какого-либо своекорыстия, он олицетворение теории. Чувствуется, что материалистическое понимание истории вошло в его плоть и кровь. Он напоминает профессора желанием сделать свою теорию понятной и яростью по отношению к тем, кто не понимает ее или не согласен с ней, а также своей склонностью к разъяснениям. У меня сложилось впечатление, что он презирает очень многих людей и в интеллектуальном отношении является аристократом.

Первый вопрос, который я ему задал, касался того, насколько он осведомлен об особенностях экономического и политического положения Англии. Мне хотелось узнать, является ли согласие с концепцией насильственной революции непременным условием вступления в III Интернационал, хотя я и не спросил об этом прямо, поскольку другие задавали этот вопрос официально. Его ответ не удовлетворил меня. Он признал, что сейчас революция в Англии маловероятна и что рабочий человек еще не проникся отвращением к парламентской форме правления. Но он надеется, что этого результата добьется правительство лейбористов. Он думает, например, что если господин Гендерсон¹² станет премьер-министром, то ничего существенного сделано не будет; тогда, как он надеется и верит, организованное рабочее движение перейдет к революционным методам. На этом основании он желает своим единомышленникам в Англии сделать все,

что в их силах, для обеспечения лейбористского большинства в парламенте; он не настаивает на уклонении от парламентской борьбы, а считает, что участие в ней дискредитирует парламент. Причины, по которым попытки совершить насильственную революцию в Англии большинству из нас кажутся невероятными и нежелательными, он не принимает всерьез, считая их лишь *буржуазными** предрассудками. Когда я предположил, что всего возможного в Англии можно достичь без кровопролития, он отмахнулся от этого предположения как от фантастического. У меня не сложилось впечатления, что он много знает о Великобритании или психологически понимает ее проблемы. Действительно, для всей марксистской тенденции характерно пренебрежение к психологизму, поскольку все в политике марксисты объясняют чисто материальными причинами.

Затем я спросил его, считает ли он возможным установить коммунизм прочно и полностью в стране, в которой большая часть населения — крестьяне. Он согласился с тем, что это трудно, посмеялся над тем, что крестьянин принужден менять продукты питания на «бумажки»; в обесценивании русских бумажных денег он находит комическую сторону. Но он сказал — и это без сомнения истина, — что все придет в норму, как только появятся товары, которые можно будет предложить крестьянину. Он полагает, что отчасти это будет достигнуто путем осуществления электрификации промышленности; по его словам, электрификация является технической необходимостью в России, но для ее реализации потребуется десять лет***. Он с воодушевлением, которое

---

* Курсив автора. — *Примеч. ред.*

** Электрификация нужна не только для реорганизации промышленности, но и для того, чтобы перевести сельское хозяйство на промышленную основу. В «Тезисах ко II конгрессу Коммунистического Интернационала» (маленькая брошюра, которую я буду цитировать как «Тезисы»), в статье, посвященной аграрному вопросу, говорится, что победу социализма нельзя считать обеспеченной без реорганизации промышленности «на началах крупного коллективного производства и новейшей (на электрификации всего

всем им присуще, рассказывал о грандиозном плане выработки электроэнергии из торфа. Конечно, он рассматривает снятие блокады как единственное радикальное средство, но он не очень надеется, что этого удастся добиться полностью и надолго, если не произойдет революции в других странах. Мир между большевистской Россией и капиталистическими странами, сказал он, не может быть стабильным; усталость или взаимные раздоры могут принудить страны Антанты к заключению мира, но он убежден, что мир этот будет непродолжительным. Я обнаружил, что он, как и другие коммунистические лидеры ждет от заключения мира и снятия блокады гораздо меньшего, чем мы в нашей делегации. Он убежден в том, что ничего действительно ценного нельзя достичь без мировой революции и уничтожения капитализма; я почувствовал, что он относится к идее возобновления торговли с капиталистическими странами не более как к временной уступке сомнительной ценности.

Он рассказал о разделении крестьян на богатых и бедных и о том, что пропаганда правительства среди последних против первых приводит к актам насилия, похоже, забавлявшим его. По его словам, необходимость в диктатуре по отношению к крестьянству сохранится на неопределенно долгое время из-за стремления крестьян к свободной торговле. Он сказал, что, согласно статистике (чему я склонен верить), крестьяне последние два года были лучше обеспечены продовольствием, чем когда бы то ни было ранее; «и все же они против нас», добавил он, слегка задумавшись. Я спросил, как бы он ответил критикам, утверждающим, что он ввел в деревне

хозяйства основанной) технической базы... Только это даст возможность такой радикальной помощи, технической и социальной, оказываемой городом отсталой и распыленной деревне, чтобы эта помощь создала материальную основу для громадного повышения производительности земледельческого и вообще сельскохозяйственного труда, побуждая тем мелких земледельцев силой примера и ради их собственной выгоды переходить к крупному, коллективному, машинному земледелию» (с. 36 французского издания).

не коммунизм, а власть крестьянина-собственника; он ответил — это не совсем правда, но не стал уточнять, в чем состоит правда*.

Я задал ему последний вопрос: не создаст ли возобновление торговли с капиталистическими странами, если таковое состоится, центры капиталистического влияния и не затруднит ли это сохранение коммунизма? Мне показалось, что большая часть ревностных коммунистов опасается коммерческих контактов с внешним миром как ведущих к проникновению инакомыслия и могущих расшатать существующую систему. Я хотел выяснить, нет ли и у него такого же чувства. Он признал, что торговля создаст некоторые трудности, но они будут меньшими, чем тяготы войны. Он сказал, что два года назад ни он, ни его соратники не рассчитывали выжить в окружении враждебного мира. Они выжили благодаря раздорам и расхождению интересов различных капиталистических стран; сыграла свою роль также сила большевистской пропаганды. Он сказал, что немцы смеялись, когда большевики предложили бороться с пушками при помощи листовок, но ход событий доказал, что листовки не менее мощное оружие. Я не думаю, что он сознает, какую роль сыграли в этом рабочие и социалистические партии. Он, кажется, не знает, что британские лейбористы сделал многое, чтобы не допустить развертывания крупных боевых действий против России. Они вынудили правительство ограничиться тем, что можно тайно сделать и потом отрицать без слишком явной лжи. Он откровенно потешается над нападками лорда Нортклиффа¹³, которому он хочет послать медаль за большевистскую пропаганду. Обвинения в захвате имущества, заметил он, могут шокировать *буржуа*** но производят обратное воздействие на пролетариат.

---

* В «Тезисах» (с. 34) говорится: «Было бы, однако, величайшей ошибкой... никогда не допускать даровой передачи части земель экспроприированных экспроприаторов окрестному мелкому, а иногда и среднему крестьянству».

** Курсив автора. — *Примеч. ред.*

Я думаю, что если бы встретил его, не зная, кто он такой, то не догадался бы, что он великий человек; он произвел на меня впечатление крайне самоуверенного, несгибаемого ортодокса. Его сила коренится, я думаю, в его честности, мужестве и непоколебимой вере — религиозной вере в евангелие от Маркса, которое занимает то же место, что и вера христианских мучеников в царствие небесное, но отличается меньшим эгоцентризмом. Он так же мало любит свободу, как христиане, которые пострадали во время правления Диоклетиана¹⁴ и отомстили за это, когда пришли к власти. Возможно, любовь к свободе несовместима с искренней верой в существование панацеи от всех человеческих бед. Если это так, то я не могу не порадоваться скептицизму западного мира. Я приехал в Россию коммунистом, но общение с теми, у кого нет сомнений, тысячекратно усилило мои собственные сомнения — не в самом коммунизме, но в разумности столь безрассудной приверженности символу веры, что ради него люди готовы множить без конца невзгоды, страдания, нищету.

Троцкий, которого коммунисты, вне всякого сомнения, не ставят вровень с Лениным, произвел на меня большее впечатление с точки зрения интеллектуальных и личностных качеств, чего нельзя сказать о характере. Однако я видел его слишком мало для того, чтобы сформировалось что-то, кроме весьма поверхностного впечатления. У него горящие глаза, военная выправка, искрящийся ум и магнетическое обаяние. Он очень симпатичен, с прекрасными вьющимися волосами; заметно, что он неотразим для женщин. В нем чувствуется жизнерадостный и добрый юмор — до тех пор, впрочем, пока ему не противоречат. Мне показалось — возможно, я и не прав, — что его тщеславие даже больше, чем его любовь к власти, — это тот сорт тщеславия, который скорее можно встретить у художника или актера. Подчас приходит в голову сравнение с Наполеоном¹⁵. Но мне не представилось случая испытать силу его коммунистической убежденности, которая, возможно, очень искренна и глубока.

Совершенной противоположностью обоим этим людям был Горький¹⁶, с которым я имел краткую беседу в Петро-

граде. Он лежал в постели, по всей вероятности, был уже близок к смерти и, очевидно, находился во власти каких-то очень сильных переживаний. Он настойчиво просил меня, говоря о России, всегда подчеркивать, что ей пришлось выстрадать. Он поддерживает правительство — будь я русским, я делал бы то же самое — не потому, что считает его безгрешным, но потому, что возможные альтернативы еще хуже. В нем чувствуется любовь к русским людям, которая делает их сегодняшние страдания невыносимыми для него самого и которая ослабляет фанатизм веры, характерный для ортодоксальных марксистов. Мне он показался более других достойным уважения и, на мой взгляд, наиболее симпатичным из всех русских, которых я видел. Мне хотелось получше выяснить его взгляды, но он говорил с трудом, и его речь постоянно прерывалась ужасными приступами кашля, поэтому я не мог остаться дольше. Все представители интеллигенции, которых я встречал, — класс, весьма сильно пострадавший, — выражали ему благодарность за то, что он для них сделал. Материалистическая концепция истории — это хорошо, но так важно спасти духовность — высшую ценность цивилизации. Иногда говорят, что большевики сделали много для развития искусства, но я не мог обнаружить ничего, кроме того, что они сохранили кое-что из существовавшего ранее. Когда я расспрашивал одного из них об этом, то он с негодованием ответил: «У нас нет времени на новое искусство, а тем более на новую религию». Таким образом, хотя большевистское правительство и любит искусство так сильно, как только способно, атмосфера, окружающая искусство, такова, что оно не может процветать, потому что искусство по своей природе анархично и сопротивляется организации. Горький сделал все, что в состоянии сделать один человек, для сохранения интеллектуальной и художественной жизни России. Мне казалось, что Горький умирает и с его смертью может умереть культура. Надеюсь, что я ошибался в обоих случаях.

